

ЧАСТИ РЕЧИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ТРАКТОВКАХ ЗАПАДНЫХ ЛИНГВИСТОВ XIX ВЕКА

Рассматривая принципы становления и развития теории частей речи в грамматике конкретного языка, можно выйти на понятийную сетку, которой оперировали лингвисты в тот или иной период развития языкознания, и выявить методы формирования слов в классы, а значит, узнать, насколько глубоко был изучен язык, чем руководствовались исследователи при выведении своих классификаций и какие факторы повлияли на формирование тех или иных категорий частей речи. Необходимость такого исследования объясняется теоретическими потребностями развития современного языкознания, а именно важностью изучения и обобщения истории лингвистики восточных языков.

Изучение теории частей речи корейского языка имеет прямое отношение к становлению грамматической терминологии, связанной с категориями частей речи и отдельными классами слов данного языка.

Традиционно корейский язык в индоевропейском языкознании считается малоизученным, однако попытки его исследования и анализа возникали еще в первой половине XIX века. Это можно увидеть в трудах западных ученых XIX века. Вопрос о выделении в корейском языке частей речи в XIX веке являлся достаточно актуальным и спорным. Определяющим фактором для классификации слов на части речи стали идеи универсальной грамматики, исходившей из принципиального единства всех языков: при этом универсальная грамматика была по своей сути грамматикой индоевропейских языков.

В XIX веке в английской грамматической традиции выделяли два типа частеречных классификаций: традиционная (по латинской модели) и нетрадиционная (логико-грамматическая). Традиционный тип представлен тремя латинизированными системами частей речи. В первой половине XIX века часто встречались две из них: 1) девять частей речи: артикль, существительное, прилагательное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, междометие; 2) десять частей речи: артикль, существительное, прилагательное, местоимение, глагол, причастие, наречие, союз, предлог и междометие. В конце XIX века появилась еще одна классификация, состоящая из восьми частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз и междометие [1, 27]. Традиционная грамматика стала основой для классификации частей речи корейского языка.

Работы по исследованию частей речи корейского языка, созданные с 1832 по 1898 годы, относятся к начальному периоду изучения основ теоретической грамматики. В 1832 году вышла работа немецкого ученого-миссионера Ф.В. Сиболта по грамматике корейского языка, в 1898 году – работа корейского филолога Ю Гиль Джуня [2, 64].

XIX век характеризуется достаточно большим интересом западных ученых к изучению грамматики корейского языка. Уже в первой половине XIX века можно увидеть подробное описание деления слов на части речи [2, 64]. Однако в работах западных лингвистов XIX века по корейскому языку членения на части речи в соответствии с определениями не происходило; как правило, путь был обратным: отнесенность слова к части речи была известна заранее, а задача состояла в том, чтобы дать определения уже выделенным классам.

Вопросом деления слов на части речи занимались такие западные ученые, как Ч. Далей, Феликс-Клер Ридель, Джон Скотт, М.К.Эмбо-Юар, Х.Г. Ундервуд.

Ч. Далей принадлежит работа «Корейский язык» (1874), которая являлась переработанным изданием книги «Грамматики корейского языка», написанной миссионерами. В отличие от авторов «Грамматики корейского языка» он выделил не десять, а девять частей речи, исключив из классификации причастие. Ч. Далей также утверждал, что у существительного корейского языка нет рода, отсутствует предикативное прилагательное, его заменяет глагол или существительное. Утверждение, что причастие прошедшего времени всегда может стать предикативным прилагательным, привело Ч. Далей к тому, что он не смог выделить морфологические особенности предикативного прилагательного. Рассматривая вопрос о числительном, Ч. Далей назвал количественное существительное “수명사” как подкласс существительного, помимо этого он выделял порядковые числительные и нечетные количественные существительные “기수명사”.

* © В.В. Аникина, Иркутский государственный лингвистический университет, 2006.

Ч. Дале говорил о том, что в корейском языке нет собственных, относительных местоимений и местоимений третьего лица, спряжение глаголов весьма простое. Его заслуга состояла в том, что он впервые выделил у глагола корень, показатель времени, окончание [3, 1].

В 1881 году французский миссионер Феликс-Клер Ридель в книге «Грамматика корейского языка» указал на наличие связи причастия с глаголом, определив у причастия глагольные функции [4, 7]. Рассматривая категорию местоимения, он говорил о том, что к местоимению, как и к существительному, могут присоединяться окончания склонения. Ниже приведен пример склонения личных местоимений по падежам из книги Ф.К. Риделя «Грамматика корейского языка»:

Корневой падеж:	나	Творит.п.:	날로, 내게로
Именит.п.:	내, 내가	Родит.п.:	나의
Дат.п.:	내게, 나에게	Винит.п.:	나를, 날
Звательный п.:	나여	Мест.п.:	나에, 나
Аблатив:	나에서	Оппозитив:	나는

[4, 51]

Это показывает, что при склонении местоимения по падежам менялась морфологическая форма слова, что дает основания для утверждения об использовании не только семантических, но и морфологических признаков при классификации слов на части речи.

Английский ученый Джон Скотт в 1887 году в книге «Язык и письменность корейского языка» выделил настоящее, прошедшее и будущее времена у предикативного прилагательного, а также классифицировал причастия на глагольные (도하), причастия предикативных прилагательных (도흔), причастия наречий (도케, 도히), назвал субстантивную форму глагола (도기, 도흠). Заявил о возможности определить у глагола время и наклонение с помощью суффиксов. Говоря о спряжении глагола, он выделял простое спряжение, условное наклонение, вопросительную и вежливую формы. Заслуга Джона Скотта заключается в том, что он определил окончание конечного глагола “다” и так называемое неполное существительное, или причастное существительное, например “갈출 поехать, 올출 приехать, 올출노 приехать”.

Джон Скотт в 1893 году во втором переиздании книги «Язык и письменность корейского языка», обозначив восемь частей речи, выделил как независимую часть речи числительное. Конкретизировал понятие числительного, установил, что окончания и спряжение глаголов управляются суффиксами. Создал в 1891 году англо-корейский словарь, в котором уточнил понятия существительного, местоимения, предикативного прилагательного и глагола корейского языка [5, 1].

Французский ученый М.К.Эмбо-Юар в 1889 году в книге «Правила разговорного корейского языка» исключил из классификации артикль и причастие, определил три вида суффиксов предикативного прилагательного, отрицал наличие неопределенного и относительного местоимений. Самое большое его достижение заключается в том, что он рассмотрел классификацию частей речи с точки зрения синтаксиса. Выделяя в независимые части речи послелог, союз, междометие, он рассматривал их с синтаксической точки зрения [6, 4].

Американский миссионер Х.Г. Ундервуд в 1890 году в книге «Грамматика корейского языка» изложил несколько важных грамматических аспектов:

1. Выделив восемь частей речи, он исключил из классификации артикль и причастие.
2. Утверждал, что существительное не изменяется по падежам. Критикуя надежные формы, выделяемые другими учеными, он говорил, что у существительного можно определить число и его синтаксическую функцию в предложении с помощью контекста или послелогов.
3. Уточнил понятие «послелога». Утверждал, что падежные частицы соответствуют предлогам в европейских языках, а также управление словом осуществляется послелогом, присоединяемым к этому слову. Выделил три типа послелогов: 1) простые: 주격, 속격, 여격, 처격, 대격, 구격, 호격, 탈격, 대조격; 2) сложные: 안회, 밧기, 우회, 밧회, 아래에, 짓회; 3) глагольные: 위하야, 인하야, 넘어, 건너 [7, 24].

Из классификаций частей речи, представленных выше, видно, что западные ученые, с одной стороны, стремились следовать традициям индоевропейского универсализма, а с другой – выделяли особенности частей речи, присущие непосредственно корейскому языку.

Анализ выше показал следующее:

- выделяется парадигматический класс именных частей речи (체언), включающий в себя существительное, местоимение, числительное;
- парадигматический класс предикативов (용언) подразделяется на глагол (동사) и предикативное прилагательное (형용사);
- в работах западных ученых, за исключением исследований Х.Г. Ундервуда, категория частиц не уславливается как самостоятельная часть речи;

- не выделяются как самостоятельные части речи окончания парадигматического класса предикативов (용언);
- прилагательное (관형사) не выделяется как самостоятельная категория, но артикль (관사) и причастие (분사) рассматриваются в качестве самостоятельных частей речи;
- послелог (후치사) определяется как противоположное понятие предлогу (전치사).

Также к результатам анализа можно отнести следующее:

1) можно выделить две причины, почему парадигматический класс именных частей речи (체언) включает в себя три части речи: существительное (명사), местоимение (대명사) и числительное (수사). Во-первых, определение местоимения как самостоятельной части речи не носило теоретический характер, оно выделялось в отдельный класс по семантическому признаку. Необходимость определения местоимения как самостоятельной категории объяснялась наличием этой же категории и в классификации европейских языков. Во-вторых, определение числительного как самостоятельной части речи имело практический характер – это давало возможность упростить процесс обучения иностранцев корейскому языку, поэтому при рассмотрении числительного как самостоятельной категории учитывались его лексико-семантические признаки, обозначающие показатель времени (даты, месяца);

2) в парадигматическом классе предикативов (용언) западные ученые выделяли предикативное прилагательное (형용사). Впервые термин «предикативное прилагательное» был введен Феликс-Клер Риделем в книге «Грамматика корейского языка» в 1881 году, где он заявил о предикативном прилагательном, которое имело глагольные функции. Вынесение предикативного прилагательного в отдельную часть речи говорит уже не о традиционном типе частеречной классификации, присущей западным ученым XIX века в рассмотрении вопроса о частях речи корейского языка. Скорее это показывает нетрадиционный тип, где логико-грамматические классификационные схемы носят обобщенный характер. Традиционно выделяемые части речи подразделяются в них на разряды, в основе создания которых лежат логические и логико-грамматические признаки. В рамках этого типа возможно применение узкого морфологического подхода, согласно которому части речи выделяются исключительно или в первую очередь по словоизменительным признакам, что и позволило отграничить глаголы и так называемые предикатные прилагательные;

3) западные ученые не выделяли в отдельные категории частей речи частицы и глагольные окончания, классифицируя их по категориям склонения (격용) и спряжения (활용). Х.Г. Ундервуд, как и другие западные грамматисты, не выделял в отдельную категорию частицы, однако в рамках разряда послелогов им рассматриваются падежные частицы как отдельный класс. Х.Г. Ундервуд говорил не об изменении формы слова при присоединении к нему падежных частиц, а лишь о его грамматическом изменении, тогда как остальные ученые утверждали, что при изменении по падежам само слово меняет форму;

4) Феликс-Клер Ридель считал артикль самостоятельной категорией частей речи, классифицируя его на неопределенный артикль (한примерно, 어떤какой-то) и определенный артикль (이, 시, 지, 처, 히, 가).

Не все ученые выделяли в отдельную категорию междометие, Джон Скотт, Х.Г. Ундервуд и другие ученые считали, что с морфологической и синтаксической точек зрения нет достаточных оснований для выделения междометия в отдельный класс, поэтому междометие относилось к разряду наречий и носило название «сильное наречие» (강세부사);

5) послелог являлся частью речи, которую выделяли практически все западные ученые, сопоставляя его грамматические функции с предлогом.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Западные лингвисты XIX века при составлении грамматики корейского языка пользовались традиционным типом классификации слов на части речи, основанным на индоевропейских языках. Основным фактором в делении на категории частей речи были такие понятия, как значение, форма, функция. Корейская лингвистическая традиция, представленная западными учеными, сходна с разделением базовых единиц языка на знаменательные и служебные. По своим традициям эти единицы не вполне совпадали со словами в европейском понимании: знаменательные в большей степени соответствовали основам слов, а в качестве служебных рассматривались как служебные слова, так и падежные частицы. Знаменательные слова делились в большей степени по морфологическим признакам, хотя можно отметить и использование семантических и синтаксических признаков для выделения отдельных подклассов категорий частей речи. Деление служебных единиц происходило по препозитивно-постпозитивному положению элементов.

Западные ученые XIX века были одними из первых лингвистов, которые подошли к изучению корейского языка с научной точки зрения. Именно они создали первые теоретические и практические грамматики корейского языка. Их заслуга состоит в том, что благодаря глубокому изучению грамматики корейского языка ими были обозначены такие понятия, как частицы, основы и окончания глаголов. Безусловно, были неточности, ошибочные выводы в классификациях частей речи, в интерпретации тех или иных категорий, но их общий вклад в развитие грамматики корейского языка заложил основу для дальнейших практических и теоретических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукин О.В. Принципы истории частеречной проблематики: автодиссертация на доктора филол. наук/ Лукин О.В. – М., 2004., – 40 с.
2. 이광정. 국어분법연구 I 품사/이광정.-서울.,2003. – 495p.
3. Dallet Ch. La Langue Coréenne, Histoire de L'Église de Corée./ Dallet Ch . – Paris: Tom Premieré, 1874. – 197p.
4. 김민수. 한국문법연구사/김민수. – 역대문법대계 총색인, 탑출판사., 1986. – 395p.
5. Scott John. A Corean Manual or Phrase Book with Introductory Grammar/ John Scott. – 상해에서 발행., 1887. – 197p.
6. M.C. Imbault-Huart, Manuel de la Langue Coréenne Parléé/ Imbault-Huart M.C. – Paris., 1889. – 195 p.
7. Underwood H.G. An Introdustion to the Korean Spoken Language/ H.G. Underwood. – Yokohama Seishi Bunsha 인쇄., 1890. – P.25-26.
8. Ridel Felix-Clair. Grammaires Coréenne/ Felix-Clair Ridel. – Yokohama Écho du Japon 인쇄., 1881. – 197 p.
9. MacIntyre J. Notes on the Corean Language: vol. VIII, IX./J. MacIntyre. – The China Review., 1879. – 197p.
10. 이승욱. 국어의 포스트포지션에 대하여/국어문법체계의 사적연구., 1973. – P. 102-107.
11. 고영근. 19세기 중엽의 불란서 선교사들의 한국어 연구에 대하여/고영근. – 김형규교수정년기념논문집., 1976. – 395p.

И.А. Дьяченко*

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СРЕДСТВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Вопрос о сущности речевого воздействия трудно отнести к числу малоработанных. Однако в лингвистических работах последнего времени все больше внимания уделяется проблемам речевого воздействия, детерминации человеческого поведения вербальной информацией, в частности, ее отдельным языковым средствам. Феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия. Быть субъектом речевого воздействия – значит регулировать деятельность своего собеседника [3. С. 21]. Основным стимулом интенсификации исследований в области речевого воздействия в настоящее время являются прагматические задачи и способы их осуществления.

Среди лингвистических «инструментов власти», имеющихся в распоряжении субъекта речевого воздействия, Р. Блакар выделяет политкорректность. По мнению автора, политкорректность – это выбор слов и выражений, позволяющий выразить свое отношение к референту (в американском варианте английского языка есть, например, black, negro, colored и «политически корректное» African American). Это также создание новых слов и выражений (имеются в виду, в первую очередь, те случаи, когда возникает потребность не в именовании новых явлений, а в переименовании, обусловленном престижем, общественными нормами, ценностями, идеологией) [3. С. 32].

Задача данной статьи заключается в выявлении и описании прагматических функций лингвистических средств политкорректности в английском языке. Необходимо отметить, что термин «прагматический» используется нами вслед за Л. А. Киселевой в значении «действенный, воздействующий и вследствие этого регулирующий поведение» [6. С.: 7]. А понятие «прагматическая функция» мы определяем, опять же вслед за вышеназванным автором, как предназначенность языковых средств для осуществления эмоционального мышления и их заданность, целенаправленность на регуляцию человеческого поведения [6. С. 42].

Феномену политической корректности в английском языке было посвящено немало работ. Как известно, политически корректные идеи часто демонстрируются в смягченных выражениях. Именно поэтому большинство исследователей (Л. В. Порохницкая, Г. Д. Томахин, А. М. Кацев, В. И. Заботкина и др.), которые рассматривали отдельные политически корректные единицы в рамках английской неологии и эвфемии, отмечают, что основным способом создания политически корректной лексики в английском языке служит эвфемизм. Отсюда следует, что по своим функциям политически корректные слова и выражения однотипны с эвфемизмами.

При этом мы трактуем эвфемизм не как стилистический прием: эвфемизм имеет своей целью не образное представление действительности, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений [7. С. 96].

* © И.А. Дьяченко, 2006.